

же лексическая единица может вступать с другими одновременно в антонимические и синонимические отношения» (1, с. 36). Таким образом, антонимы, основанные на противопоставлении внутри общего семантического признака, также включаются в данную подсистему на основании общности родового понятия.

Подсистема 2 теоретически программирует существование в языке лексем, одинаковых или сходных по форме, но различных по своему содержанию. То есть омонимия как явление задана абстрактным построением, и это языковая закономерность состоит в том, что в языке должны быть слова, совпадающие в своем плане выражения, но различающиеся в плане содержания: *банка* 'емкость' и *банка* 'отмель', *находиться* 'пребывать', *находиться* 'обнаруживаться в результате поисков' и *находиться* 'походив вдоволь'. Также к этой подсистеме относятся паронимы, в которых наблюдается лишь частичное сходство формы (или созвучие) при различии в семантике: *здравица* — *здравница*, *сытый* — *сытный*, *невежа* — *невежда*.

Подсистема 1 — это лексем, одинаковые по форме и по значению. Если понимать форму в более широком смысле — не как грамматическую, а как общий план выражения лексемы — то в этой подсистеме заключается грамматическая парадигматика: склоняемые и спрягаемые формы слов разных частей речи: *буду*, *будешь*, *будет* и т.д. Лексическое значение глагола *быть* не меняется, план выражения в виде общей корневой части также остается неизменным. Изменяются лишь грамматические формы, а лексическое значение остается неизменным.

Таким образом, теоретически заполненными являются все четыре подсистемы цельной и полносвязной системы лексической парадигматики. Внутренние связи позволяют обнаружить возможности взаимодействия подсистем.

Анализ парадигматических отношений в контексте выявляет более широкие возможности использования их в целях выразительности и расширения семантики. В качестве примера мы исследуем контекстное употребление синонимов, антонимов, омонимов и паронимов в поэтических текстах М. Цветаевой.

Для творчества М. Цветаевой характерна семантическая ёмкость слов, наполнение их новым смыслом. При этом активно используются возможности лексической парадигматики.

Подсистема 4 представляет собой весь поэтический словарь М. Цветаевой, в котором наряду с общеупотребительной лексикой используются устаревшие слова и устаревшие формы слов (*доселе*, *червонный*, *други*, *огнь*) и авторские окказионализмы: *Из слуховых глушизн высокие права выстукивает жизнь*; *Взрыв — выдышаться в смерть!*; *Светло-серебряная цвель*; *окоем*; *В белую книгу твоих тишизн... тихо склоняю облом лба*; и строки из цикла «Так вслушываются...» с окказиональными характеристическими глаголами, передающими глубину проникновения чувства:

*Так вчувствовывается в кровь
Отрок — доселе лотос.
...Так влюбливаются в любовь:
Впадываются в пропасть.*

Подсистема 3, выявляющая парадигматические отношения на основе общности значений, включает в себя синонимы и антонимы. В качестве синонимов в поэтических строках М. Цветаевой соединяются лексемы *оклик — охлест, перестраиваюсь — перекраиваюсь*, широко представлен синонимический ряд красного цвета: *Книги в красном переплете; алый рот; калужский родной кумач, рдяный плац; малиновая юбка; янтарная кровь, красная туча; плац — красен; огненный плац его; Зардевшийся под оплеухю славы; здесь пурпур — последний из слуг. Молодость! Мой лоскуток кумаиный!*

Антонимия в поэзии М. Цветаевой выполняет не только стилистическую, но и важную семантическую функцию; противопоставление позволяет автору акцентировать главное. *«Вас положат — на обеденный, а меня — на письменный»;* *Свет и чудо — враги; Если душа родилась крылатой — что ей хоромы, и что ей хаты!* В творчестве М. Цветаевой противопоставляются не только отдельные лексемы и их смысл, но и семантические поля: *белый — чёрный; тот свет — это свет; быт — творчество; пустота* (как творческое пространство) — и наполненность вещного мира, в котором, в представлении поэта, нет места творчеству.

Подсистема 2 представлена лексемами с общностью формы: это омонимы, проявляющие полное сходство и паронимы, основанные на частичном сходстве.

Омонимия в виде совместного употребления и семантического сближения слов, одинаковых по форме и различных по содержанию, — яркий стилистический приём в поэзии М. Цветаевой: *Совсем ушел. Со всем ушел. Горе горЕ!* («Сивилла»). В. Маяковский сравнивается с юнкером, *на «Тоске» выстрелившего — с тоски!* Противопоставление мира вещного и мира духовного нашло отражение в стихотворении «Мука и мука»:

*Всё перемелется, будет мукой!»
Люди утешены этой наукой.
Станет мукою, что было тоской?
Нет, лучше мукой!*

*Люди, поверьте: мы живы тоской!
Только в тоске мы победы над скукой.
Всё перемелется? Будет мукой?
Нет, лучше мукой!*

Омонимы, соединяемые М. Цветаевой, — не только носители общей формы, они в силу своей противопоставленности в контексте дополняют выражаемый смысл новыми оттенками и авторским отношением: *Не рас-*

сОрили — рассорИли, — пишет М. Цветаева в стихотворении, посвященном Б. Пастернаку. Подсистема омонимии, таким образом, обнаруживает взаимосвязи с подсистемой 3 — синонимии и антонимии.

В качестве паронимов в поэзии М. Цветаевой чаще выступают слова не однокоренные, а созвучные: *Из сырости — и сирости*. В стихотворении «Эмигрант» в один ряд соединяются несколько слов: *Здесь, меж вами: домами, деньгами, дБМами, дамами, думами...*, и их объединяет не только созвучие, но и общая семантика реалий того мира, с которым *не слюбился эмигрант — Заблудившийся между грыж и глыб Бог в блудилище*.

Подсистема, включающая в себя лексемы, одинаковые по своей форме и семантике, — это повторы как стилистический прием, часто встречающийся в творчестве М. Цветаевой. Например, из цикла «Надгробие»:

*Здесь — слишком здесь, там — слишком там.
Не ты — не ты — не ты — не ты, что бы ни пели нам поны,
Что смерть есть жизнь и жизнь есть смерть —
Бог — слишком бог, червь — слишком червь.*

Повтор может быть представлен и в разных грамматических формах, как в следующем примере, где соединяются формы глагола *не быть* в прошедшем и будущем времени и с модальными словами *не может* и *должен*, создавая тем самым связь между временными пластами изъявительного наклонения с ирреальностью невозможности, усиливая эмоциональное напряжение текста:

*Ночи без любимого — и ночи
С нелюбимым, и большие звезды
Над горячей головой, и руки,
Простирающиеся к Тому —
Кто от века не был — и не будет,
Кто не может быть — и должен быть...*

Парадигматические связи и отношения системны в лексике, и эта системность задана теоретической абстрактной моделью двухмерного графа. Внутренние взаимосвязи плана содержания и плана выражения слова находят яркое отражение в различных контекстах. В поэтическом языке М. Цветаевой парадигматика наполняет текст дополнительными смысловыми оттенками, основанными на контрасте и сходствах формы слова и его содержания — и это тоже своего рода подтверждение системности парадигматических отношений, в новых своих качествах открытыми Поэтом:

*О мир, пойми! Певцом — во сне — открыты
Закон звезды и формула цветка.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
2. Марина Цветаева. Сочинения. В двух томах. — Т. 1 — М., 1988.